

А
Евгения Герцык

Из книги "Воспоминания"

Максимилиан Волошин. Стихотворения. Статьи. Воспоминания современников.

Составление, вступительная статья, подготовка текста и комментарии З. Д. Давыдова, В. П.

Купченко

М., "Правда", 1991

[OCR Бычков М.Н.](#)

Он -- священная пчела

Пчела -- Афродита

Он -- хмель Диониса.

Щуря золотистые ресницы, моя гостя с трогательной серьезностью подбирает образы -- изысканные и ученые,-- и я вторю ей. Но в зеркале ловлю лукавую улыбку сестры¹: сидя поодаль с ногами на кушетке, она записывает наш диалог. Вот он и сохранился у меня на обложке какой-то тетради...

В 1907 году мы всего ближе подошли к декадентству, непритворно усвоили жаргон его, но чуть что -- и сами высмеиваем себя.

Это пришла ко мне знакомиться Маргарита Сабашникова, соперница моя по толкованию лирики Вячеслава Иванова и по восхищению своим поэтом. Питать к сопернице примитивные злые чувства? Конечно же, нет. Но что же, если и вправду привлекательна и сразу близка мне Маргарита? Она, как и мы, пришла сюда из патриархального уюта, еще девочкой-гимназисткой мучилась смыслом жизни, тосковала о Боге и, как мы, чужда пошиба декадентских кружков; наперекор модным хитонам, ходила чуть ли не в английских блузках с высоким воротничком. И все же я не запомню другой современницы своей, в которой так полно бы выразилась и утонченность старой расы, и отрыв от всякого быта, и томление по необычно-прекрасному. На этом-то узле и цветет цветок декадентства. Старость ее крови с востока: отец из семьи сибирских золотопромышленников, породнившихся со старейшиной бурятского племени. Разрез глаз, линии немножко странного лица Маргаритинога будто размечены кисточкой старого китайского мастера. Кичилась прадедовым шаманским бубном.

По ее рассказам, вижу ее тоненькой холеной девочкой в длинных натянутых чулочках. Богатая московская семья. Отец -- книголюб и издатель² -- немножко смешной и милый, вместе с дочкой побаивается "мамы", у которой сложная и непреодолимая система запретов. Почему, что нельзя -- им обоим никогда не понять. Вот Маргарите так хочется позвать в детскую швейцарова внука, приехавшего из деревни; швейцар принес ей лубяную беседочку -- Гришино изделие,-- но позвать его, показать, как живут куклы,-- нельзя. Она тиха, не бунтует, только взгрустнулось. Вдруг -- озаренье: Гриша будет бог кукол -- бога ведь не видно, только знаешь, что он есть. Жизнь заиграла. Собираясь на прогулку, Маргарита всякий раз берет с собой другую куклу, наряжая ее" волнуется: может быть, растворится дверь в швейцарскую, мелькнет вихрастый мальчик -- кукла увидит бога. И через несколько дней горько упрекала маленькую подругу: зачем, зачем ты выдала! Теперь у кукол больше нет бога.

-- Да почему? Мама твоя не бранилась.

-- Но она знает, а что она знает, то уж больше не бывает.

И позже, когда Маргарита, уже взрослая, загорится новым поэтом, а мать в своей нарядной гостиной под розовым абажуром перелистает, хотя бы и молча, не осуждая, тощий томик -- и вот его уже нет, сник, повял...

- Маргарита уехала в Париж учиться живописи. У нее подлинное дарование, чистота рисунка, вкус. Почему она не стала художником с именем? Портреты ее работы, которые я знаю, обещали

А